

Промежуток [1924] // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История. Литература. Кино. М., 1977; Гинзбург Л. Я. О старом и новом. Л., 1982; Семенко И. М. Поэтика позднего Мандельштама. Рим, 1986; Мандельштам Н. Я. Воспоминания. М., 1989; Мандельштам Н. Я. Вторая книга. М., 1990; Жизнь и творчество Мандельштама. Воронеж, 1990; Слово и судьба. Осип Мандельштам: Исследования и материалы. М., 1991; Лит. обозрение. 1991. № 1. [вып. посвящен Мандельштаму]; Струве Н. Осип Мандельштам. 1-е изд. Лондон, 1988; Томск, 1992; Нерлер П. «С гурьбой и гуртом...»: Хроника последнего года жизни Мандельштама // Минувшее: Исторический альм. М., 1992. Вып. 8; Эткинд Е. Там, внутри. О русской поэзии XX в. СПб., 1995; Мандельштам и античность: сб. статей. М., 1995; Смерть и бессмертие поэта. М., 2001.

Н. Ю. Грыкалова

МАНДЕЛЬШТАМ Юрий Владимирович [25.9(8.10).1908, Москва — 18.10.1943, немецкий концлагерь в Яворжно, Польша] — поэт, критик.

Родился в состоятельной еврейской семье, в 1920 вместе с родителями эмигрировал из России. Окончил в Париже русскую гимназию (1925) и филол. ф-т Сорбонны (1929). В 1935, женившись на дочери И. Ф. Стравинского Людмиле (1908–38), принял православие. Поэтический дебют М. состоялся в 1-м «Сб. стихов» парижского Союза молодых поэтов и писателей (1929). М. входил в лит. группу «Перекресток», посещал «воскресенья» Мережковских, заседания «Зеленой лампы». В 1930-е сотрудничал в «Совр. записках», «Числах», «Встречах», «Русских записках», в альм. «Круг», в газ. «Возрождение», в «La revue de France» (где публиковал статьи о русских писателях) и ряде др. изд.

Первой книгой стихов «**Остров**» (Париж, 1930) М. заявил о себе как о поэте акмеистической традиции, ориентирующемся также на французскую парнасскую школу (ср. его строки из стих. «**По рубрикам, под нумерами...**»: «В мучительном Леконт-де-Лиле / Душа, запутавшись, живет. <...> Парнасской строгостью болеет / Уже приявшая печаль»). В книге были отмечены «подлинная лиричность, настоящее поэтическое дыхание» (Струве Г. П. // Россия и славянство. 1930. 2 авг.), а также и недостаток стихов М., заключающийся в «слишком еще „обыкновенных“ ощущениях»: «Они могут уже нравиться, но не могут еще заинтересовать, тем более — взволновать. Они, как хорошо исполненные этюды» (Л. Кельберин> // Числа. Париж. 1930. Кн. 2–3. С. 254). О зависимости от лит. образцов и недостаточной определенности собственного лица (при безус-

ловном овладении внешними навыками мастерства) свидетельствовала и вторая книга стихов М. «**Верность**» (Париж, 1932). Констатируя, что поэтика М. «светится отраженным светом, живет не своими, но лишь усвоенными приемами», В. Ф. Ходасевич заключал, что автор «Верности» в этом отношении является характерным представителем «молодого эмигрантского стихотворства»: «...по стилю своих писаний он сливается со многими сверстниками. Как они, за глубокой новизной он не гонится. Его поэтика недействительна, как ихняя. Живя опытом предшественников (преимущественно недавних), она застрахована от больших неудач, но и счастливых открытий в ней тоже нет». Тем не менее Ходасевич находил, что М. «формально богаче, разностороннее многих сверстников» и отмечен «истинно поэтическим душевным складом», что в его стихе «чувствуется воля к непринужденности, к широте письма» (Возрождение. 1932. № 2459. 25 февр. С. 4).

Третья книга стихов М. «**Третий час**» (Берлин, 1935) и в особенности четвертая, готовившаяся им самим, но изданная посмертно, — «**Годы. Стихи 1937–1941**» (Париж, 1950) — отмечены большей поэтической зрелостью. Сохраняя прежнюю акмеистическую и неоклассическую ориентацию, М. в своих стихах все более тяготеет к трагической исповеди. Его лирика вбирает звучания «парижской ноты» — тематико-стилевой тенденции в эмигрантской поэзии 1930-х, отмеченной стремлением к искренности и простоте, к отказу от внешних «лит.» эффектов, к передаче острого драматизма индивидуальной человеческой судьбы. Переживания тягот эмигрантской жизни, чувство одиночества и обреченности сочетаются с предощущением надвигающейся общей беды: «Любови и вдохновенья больше нет. / Остались только: пристальность и честность. / И вот — смотрю со страхом в неизвестность / И вижу тьму (а раньше думал — свет)» («Третий час». С. 16). Ю. П. Иваск дал итоговую оценку поэзии М. в рецензии на «Годы»: «Это умный, умелый поэт. Своей настоящей темой ему не удалось найти. Но некоторые его стихи останутся в русской поэзии <...>. Кроме настоящей культуры в нем было много чистоты, душевного здоровья и мужества» (Новый ж. 1951. № 25. С. 302).

В 1930-е М. интенсивно выступал как лит. критик, написал множество статей и рецензий о новинках эмигрантской лит-ры и о новейших западных писателях, после смерти Ходасевича (1939) вел критический отдел в газ. «Возрождение» (ранее публиковал там

же обзоры текущей иностр. лит-ры). Избранные критические эссе М. объединены в его книге **«Искатели»** (Шанхай, 1938). В центре внимания писателя — «люди, излучающие тревогу и беспокойство, внушающие подозрение и страх», идущие на «непонятные и смущающие поиски» (С. 7); в кругу этих «искателей» оказываются титанические фигуры (Наполеон, Гете, Бетховен, Бальзак) и «гении-неудачники» (Виктор Жакмон), представители отдаленных эпох (Данте, Паскаль) и старшие современники автора (Рильке, Эрнест Психари, Мишель Вьешанж), объединенные, по мысли М., подлинным религиозным исканием и метафизической тревогой, стремлением к «неясной, но несомненно ощущаемой цели» (С. 11).

10 марта 1942 М., оставшийся в Париже, был арестован немцами и заключен в лагерь Дранси; после 16 месяцев пребывания в различных лагерях в конце июля 1943 был отправлен в Германию; погиб в концентрационном лагере.

Соч.: Собр. стихотворений / Edited and with an Introduction and Notes by Ed Weeda. The Hague, 1990.

Лит.: *Терапиано Ю.* Встречи. Нью-Йорк, 1953. С. 122–125; *Терапиано Ю.* Встречи: 1926–1971. М., 2002. С. 99–101; *Яновский В.* Поля Елисейские. Книга памяти. Нью-Йорк, 1983. С. 214–215; *Яновский В.* Соч.: в 2 т. М., 2000. Т. 2. С. 375–376.

А. В. Лавров

МАРИЕНГОФ Анатолий Борисович [24.6 (6.7).1897, Нижний Новгород — 24.6.1962, Ленинград] — поэт, прозаик, драматург, мемуарист.

Родился в семье служащего, выходца из Лифляндии (Южная Эстония, отошедшая по Ништадтскому мирному договору со Швецией к России). Благодаря дворянскому происхождению матери некоторое время учился в нижегородском Дворянском ин-те императора Александра II, привилегированном среднем учебном заведении. В связи с переводом отца по службе в Пензу М. оставил ин-т. В 1916 окончил пензенскую гимназию, был мобилизован на Западный фронт, где служил в инженерно-строительной дружине.

В событиях 1917 М. непосредственного участия не принимал, но несколько позже (1918) свое отношение к ним выразил так: «Верьте, я только счастливый безумец / Поставивший все на Октябрь». Возвратившись в Пензу, М. печатает в пензенской губернской типографии «революционный альм.» «Исход».

А. Б. Мариенгоф

В 1919 М. — секретарь изд-ва ВЦИК в Москве, здесь знакомится и сближается с С. Есениным и В. Шершеневичем. Подпись М. стоит под манифестом русского имажинизма («Декларация», февр. 1919), а его стихи печатаются в многочисленных имажинистских сб. начала 1920-х.

Несколько десятилетий спустя М. напишет о тогдашних своих взглядах: «Не чуждо нам (Есенину и Мариенгофу. — Ред.) было и гениальное мракобесие Василия Васильевича Розанова» (Мой век... С. 402). М. вполне разделяет розановское (периода «Апокалипсиса нашего времени») понимание революции 1917 как разрешение конфликта между Христом и Солнцем-Иеговой в пользу второго. Но «счастливый безумец» идет дальше, он и Солнце лишает каких-либо сакральных прерогатив, рассматривая его лишь как некий «осветительный прибор», единственная функция которого — выхватить из тьмы времен «Я». В «Революционной Троице» (Свобода, Равенство, Братство) поэт привлекает, пожалуй, лишь свобода, понимаемая вполне по-штирнеровски. Не случайно, что «анархия» становится «лейт-словом» в поэме М. **«Кондитерская солнц»** (1919).

Вскоре, однако, восторг «счастливого безумца», намеренного «стихов серебряные росы» вручать «только тем, кто несет погромные колья», обретает и определенное эмоциональное противотечение: «Я знаю, увяты и мне» (поэма **«Слепые ноги»**). И если совсем недавно поэт призывал кровь Христа